

їмъ да го йзвѣди. Колико ли сѧ Оплѣши,
когда тамо не го намѣри! Спѣши прѣчес къ
Братїи, и рече їмъ сѧ жалостю: Нѣма мѣлаго
Брата нашего — какво да правимъ? гдѣ нынѣ
да ѹдѣмъ? Сбаче немилостила Братїа єго, и
не слышающи жалостны рѣчи Рѣвімовы, заклѣ-
ха ѵре, умочиха красношареню дрѣхъ Іосифо-
въ въ кроѣ ѵрешкъ, проводиха ю Сѣтцъ, и
їавиха: Тво дрѣхъ сме намѣрили, виждь, не є^т
ли Іосифова? Іаковъ, дрѣхъ познавши, жалост-
но викна: Їхъ, таа є дрѣха Сына моего! Лю-
тый звѣрь разстѣрзаль є Іосифа моего! Раздрѣ-
(кое є тогда знакъ наивеликїя жалости было)
Одѣждъ на себѣ, предадесѧ себѣмъ скорби и
плачъ, нито є можалъ Сына своего Іосифа за
много долго времѧ да заборѣви. Всї Сыновѣ и
Дщери сокрахасѧ около него, за да го утѣ-
шатъ. Но люта и долбока рана была мъ є въ
сердцѣ, нито є искаль утѣшенїемъ да слыша. До
гроба горко да плаче, твѣрдо є наѣмилъ неутѣ-
шимый Іаковъ. Їхъ — често бы онъ пови-
валъ — скорбь и жалость Сыновиа скоро къ
немъ въ грбъ ще ма преведѣ!

Любезна Чада! до колицаго грѣха довежда
зѣвисть! зѣвисть бо обыча да рожда обез-
славленїе, поношеннє и гоненїе. И зато прѣвѣдно
говори пословица, яко зѣвисть незнане да почи-